

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Лепешкина Л.Ю. — Карнавально-смеховые формы в традиционных обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья: в поисках позитивного будущего // Философия и культура. – 2023. – № 1. – С. 34 - 44. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.1.39694 EDN: EIQTHN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39694

Карнавально-смеховые формы в традиционных обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья: в поисках позитивного будущего

Лепешкина Лариса Юрьевна

ORCID: 0000-0001-8989-5987

кандидат исторических наук

доцент кафедры "Социальные технологии и гуманитарные науки", Поволжский государственный университет сервиса

445017, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4, каб. Э-310

✉ lara_yura@list.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.1.39694

EDN:

EIQTHN

Дата направления статьи в редакцию:

30-01-2023

Аннотация: Предметом исследования выступают карнавально-смеховые формы в традиционных обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья до 1917 года. На основе архивных материалов, собранных автором, и краеведческой литературы впервые осуществляется типология вариантов проявления карнавально-смеховых форм в обрядовых практиках населения региона. На конкретных исторических примерах проводится анализ выделенных вариантов – «шумного представления», «кривляния», «порицания» и «подражания». В статье используются системный и культурологический подходы, которые позволяют объяснить причины устойчивости и смысловое наполнение обрядов, а также их роль в трансляции духовно-нравственных ценностей жителей региона. Научная новизна исследования заключается в интерпретации традиционных обрядов жизненного цикла народов Среднего Поволжья как средоточия карнавально-смеховых форм, способствующих преодолению страхов перед неизвестным будущим и созданию атмосферы оптимизма. Основным результатом исследования является новое понимание традиционных обрядов жизненного цикла народов Среднего Поволжья в качестве средства психотерапии благодаря присущим им карнавально-смеховым

формам, помогающим человеку адаптироваться к различным условиям бытия. Материал статьи может послужить базой для научных изысканий в области психологии обрядовой деятельности, для подготовки образовательных курсов по истории повседневности и культурологии.

Ключевые слова:

карнавально-смеховые формы, обряды жизненного цикла, народы Среднего Поволжья, смеховой мир, страхи, неизвестное будущее, шумное представление, кривляние, порицание, подражание

Начиная с XVI в. народная культура в Среднем Поволжье стала привлекать внимание различных исследователей: сперва иностранных дипломатов, путешественников, а затем со второй половины XVIII в. и отечественных учёных. Прежде всего интерес вызывали религиозные верования, быт, обычаи и традиции местного населения. Но вопрос о присутствии карнавально-смеховых форм в обрядах жизненного цикла (родильные, инициатические, свадебные и похоронно-поминальные) народов региона (преимущественно русские, татары, чуваша, мордва, немцы) никогда специально не рассматривался в краеведческой литературе дореволюционного, советского и современного периодов. По-видимому, это обусловлено устоявшимся представлением о подобных обрядах как о переходных, связанных с процессами символизации критических ситуаций рождения, взросления, женитьбы и смерти, проникнутых серьёзностью и не допускающих по природе своей какого-либо высмеивания. Вместе с тем традиционные обряды жизненного цикла, будучи частью народной культуры, сохранили в себе уникальные пласты народного смеха с его скептицизмом, свободолобием, карнавальностью и презрением ко всему суетливому, бренному и порочному.

Актуальность изучения предлагаемой темы статьи продиктована комплексом обстоятельств. Во-первых, традиционные обряды жизненного цикла до сих пор представляют собой неисчерпаемый источник информации о культурах прошлого, необходимый для познания этногенетических связей и механизмов сохранения духовно-нравственных ценностей. Во-вторых, в обрядах жизненного цикла заложен мощный психотерапевтический эффект, возможности которого следует учитывать не только в проектах по поддержанию этнокультурного своеобразия в Среднем Поволжье, но и в области психиатрии. В-третьих, анализ карнавально-смеховых форм в обрядах жизненного цикла населения региона объясняет суть упомянутого психотерапевтического эффекта.

На этом основании цель статьи можно определить как выявление карнавально-смеховых форм в традиционных обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья до 1917 года, установление их психотерапевтического воздействия на сознание людей. Её достижению способствовало применение системного и культурологического подходов. Системный подход позволил установить качества обрядов жизненного цикла, обеспечивающие устойчивость изучаемого феномена культуры во времени. Немаловажную роль в поддержании такой устойчивости играли карнавально-смеховые формы, драматизировавшие и одновременно обогащавшие смысл обрядов. Благодаря культурологическому подходу удалось показать значимость карнавально-смеховых форм для развития обрядовых практик. Выделенные подходы к исследованию предопределили его новизну: впервые традиционные обряды жизненного цикла народов Среднего

Поволжья рассматриваются как средоточие карнавально-смеховых форм, способствующих преодолению страхов перед неизвестным будущим и созданию атмосферы оптимизма.

В теоретическом плане статья опирается на труды М. М. Бахтина, Д. С. Лихачёва, А. М. Панченко и С. С. Аверинцева [\[7; 14; 1\]](#), психологически тонко описавших «карнавально-смеховой мир» европейского Средневековья, эпохи Возрождения и Древней Руси. Примечательным является то, что для указанных исследователей смех служит средством избавления от всевозможных страхов: мистических перед потусторонними силами, реальных перед земными врагами, искушениями и собственными чувствами. В частности, М. М. Бахтин подчёркивал, что «гротескные образы народной культуры абсолютно бесстрашны и всех приобщают своему бесстрашию. .... Всё, что в обычном мире было страшным и пугающим, в карнавальном мире превращается в весёлые "смешные страшилища". Страх – это крайнее выражение односторонней и глупой серьёзности, побеждаемой смехом... Только в предельно нестрашном мире возможна и та предельная свобода, которая свойственна гротеску» [\[7, с. 23-24\]](#).

Смех в народной культуре предназначался для снятия психологического напряжения, устранения страхов. Посредством него происходило обличение всего дурного, созидание свободного от несправедливости и социального неравенства мира [\[14, с. 38\]](#).

Использование в данной статье словосочетания «карнавально-смеховые формы» объясняется тем, что в исследовании М. М. Бахтина народной смеховой культуры подробно описаны таковые формы [\[7, с. 9\]](#). Это позволяет их идентифицировать в качестве носителя «единого смехового аспекта мира», в котором тесно переплетаются обрядовые зрелища, пародийные сочинения, фамиллярно-площадная речь. Они при всём многообразии выражения основываются на ироничном отношении ко всему (земному и потустороннему, святому и грешному) во имя поиска истины, скрытых сторон бытия.

При выявлении карнавально-смеховых форм в традиционных обрядах жизненного цикла следует учитывать особенности «миров», в которых проживала большая часть населения Среднего Поволжья до 1917 года. Для определения этих особенностей целесообразно обратиться к характеристике средневекового человека, предложенной М. А. Баргом [\[6, с. 141\]](#), с которым по своему мировосприятию можно сравнить жителя региона. Жил он не в двойном, а в тройном измерении, руководствуясь благими помыслами о радостях загробной жизни, боясь мира колдовского – «чар» и «гнева» шайтана, злых духов и умерших предков и подчиняясь повседневной суете.

Именно страхи перед колдовским миром и угрозами реальной жизни находились в основе народных карнавалов и игр, пресекавших влияние потусторонних сил и высмеивавших человеческие пороки. Но, как свидетельствует наш опыт исследования повседневной культуры народов Среднего Поволжья, карнавально-смеховые формы в традиционных обрядах жизненного цикла предназначались преимущественно для преодоления страхов перед будущим, поскольку изучаемые нами обряды относились к «переходным» и очерчивали рубежи человеческого существования, пугавшие своей неизвестностью. Для подтверждения этого следует обратиться к примеру Л. С. Выготского, связанному с бросанием жребия, который искусственно меняет отношение к вызывающей стресс критической ситуации. Такое средство избавляет от пассивного поведения и заставляет сделать выбор, т.е. человек, оказываясь на месте буриданова осла, «прибегает к помощи искусственно вводимых вспомогательных мотивов или

стимулов» и овладевает ситуацией [\[9, с. 67\]](#). По аналогии с бросанием жребия то же самое можно сказать об использовании обрядов в традиционных обществах. А наличие карнавально-смеховых форм в этих обрядах ускоряло процесс овладения критической ситуацией, устраняя стресс и тревогу за будущее.

Кроме того, принимая точку зрения Б. Малиновского на позитивное воздействие обрядов как магических приёмов на разрешение трудных ситуаций [\[16, с. 89\]](#), можно предположить, что карнавально-смеховые формы в обрядах жизненного цикла укрепляли веру в благоприятное будущее. Высказанное предположение выдвинуто на том основании, что при анализе традиционной обрядности народов Среднего Поволжья в ней отчётливо проявлялись следующие варианты этих форм: «шумное представление», «кривляние», «порицание» и «подражание», которые получили наиболее широкое распространение в регионе и воплотили в себе стремление к счастливому завтра. Данная типология вариантов достаточно условна, каждый из них требует пояснения, поскольку в ряде обрядов они использовались совместно.

Целью «шумного представления» было задабривание шайтана, духа смерти, злых мертвецов и прочих потусторонних существ, чтобы не мешали строить благополучное будущее. Кроме того, такая форма показного веселья способствовала включению «главного героя» обрядов в социальную группу и его коллективному принятию в ней.

Приведём ряд примеров, демонстрирующий карнавально-смеховые формы через «шумные представления». У чувашей при рождении мёртвого ребёнка совершался «баушками» (повивальные бабки) обряд выпуска души – «чун кўрдэс», направленный на получение милости от потусторонних сил. Для этого, как правило, использовалась сковорода. Первая баушка трижды кричала в сковороду: «Боже! Ты дай душу ребёнку!». Вторая громко звала на помощь шайтана. Третья старалась привлечь добрых и злых духов караваем хлеба, чтобы те дали душу ребёнку. Заканчивалось это шумное представление совместной трапезой баушек [\[11, л. 18\]](#).

Татарская повитуха в случае мертворожденного ребёнка начинала стучать по сковороде. Считалось, что это способствовало возвращению души неживому младенцу [\[20, с. 89\]](#).

Чувашский и татарский варианты театрализованного поведения повитухи были сравнимы с ролью шамана, просившего о милости потусторонние силы с помощью сковороды как воплощения шаманского бубна. В целом из истории тюрко-язычных народов известно, что шаманы таким способом искали и возвращали заблудшие души [\[2, с. 147\]](#). Поэтому главный смысл подобного «шумного представления» с его карнавальностью заключался в победе жизни над смертью.

Не менее любопытным явлением в татарской культуре было проведение обряда по охране ребёнка через неделю после его рождения. Приглашённые вечером девушки в дом роженицы начинали шумно веселиться, чтобы прогнать прочь джинов (духов), способных украсть новорождённого, а взамен подложить своего – враждебного всему человеческому [\[18, с. 174\]](#).

Иное предназначение имело ритуальное веселье молодёжи на вечерних «посиделках» зимой – высмеивание человеческих пороков и более близкое общение между парнями и девушками. Например, в Симбирской губернии они устраивались в так называемых «кельях» – в девичьих избах [\[8, с. 156\]](#).

Основными инициаторами игр, шуток и фривольных песен были пришедшие парни. На

этих «посиделках» они выбирали себе избранниц – «колышек», которые затем превращались в потенциальных невест [\[23; 24, л. 36-37\]](#).

В целом молодёжные «посиделки» моделировали ситуацию выбора будущего, присутствие в которой вызывали и любопытство, и страх «ошибиться» в своём выборе. Коллективный смех устранял элемент неопределённости, разрушал страхи перед грядущим и открывал путь к новому этапу существования.

Одним из самых ярких примеров «шумного представления» являлись гуляния рекрута с друзьями на протяжении двух-трёх месяцев. Молодые люди отдавали предпочтение «гульбе», отказываясь от какой-либо работы. Характерными чертами показных гуляний были отказ от общепринятых повседневных дел, стремление к миру праздному с его развлечениями на лошадях, взаимными угощениями, шутками и «проголосными» песнями [\[5, с. 63-64\]](#). Следует подчеркнуть, что именно в рекрутской обрядности карнавально-смеховые формы превращались в важный атрибут «перехода» юноши в статус мужчины-воина, готового защищать своё Отечество.

Наиболее выражены карнавально-смеховые формы были в традиционной свадьбе народов Среднего Поволжья. Шумное свадебное празднование предназначалось для обмана нечистой силы, чтобы отвратить её зло от молодожёнов. Например, на русской свадьбе в Саратовской губернии гости во дворе дома жениха били и бросали горшки, прославляя невесту. Уже в доме, за праздничным столом, приступив к поглощению арбузов, яблок, огурцов, пирогов, щей и выпивки, приговаривали: «Надо посолить, а то не солёно» [\[21, л. 138\]](#). Встречались случаи ритуальных плясок с курицей, украшенной разноцветными лоскутами [\[19, с. 96-97\]](#). Эта птица становилась символом надежды на счастливую и долгую жизнь молодожёнов.

Аналогичные «шумные представления» устраивались мордвой и марицами на второй день свадьбы. Мордва-мокша называла этот день *потиха ши* («потешный день»), особенностями которого были переодевание в разных персонажей и битьё горшков [\[28, с. 40\]](#).

Необходимо подчеркнуть, что «шумные представления» как вариант проявления карнавально-смеховых форм носили в историческом развитии обрядов жизненного цикла достаточно устойчивый характер. Это возможно объяснить их способностями устранять суеверные страхи перед нечистой силой и создавать атмосферу благополучного будущего.

Следующим вариантом присутствия карнавально-смеховых форм в обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья было «*кривляние*». Во-первых, к нему прибегали для чёткого обозначения социальных ролей в семье, во-вторых, для обмана нечистой силы, введения её в заблуждение и, в-третьих, при нежелании возвращаться к повседневной рутине.

Примером первого типа кривляния служила встреча молодых у мордвы родителями жениха. Так, в Симбирской губернии отец и мать одевались в самую поношенную одежду, их волосы были растрёпаны, а голову мужчины украшала вывороченная шапка. С плеча родителя дружка снимал соломенный кнут и ударял им новобрачных. Данное действие, невзирая на ироничный и неряшливый внешний вид отца и матери, производилось для демонстрации молодым их подчинённого положения в родительском доме [\[17, с. 17\]](#).

При втором типе кривляния немцы Поволжья во время празднования свадьбы в зимний период устраивали катания по улицам «напоказ» (zur Beschau). В сани, которые запрягали двумя белыми быками, усаживали «фиктивных» новобрачных, перепачканных сажей и с коронами из соломы. Катания сопровождалась музыкой, песнями и оружейными залпами, чтобы отогнать нечистую силу от настоящих молодожёнов [\[12, с. 389-390\]](#).

Третий тип кривляния использовался на марийской свадьбе. Например, в Чебоксарском уезде Казанской губернии в доме жениха устраивалась попойка с разными кривляньями и пением без слов заунывными голосами. Это продолжалось до тех пор, пока хозяин избы не объявлял всем, что у него закончились средства на празднование. Гости уезжали, а в доме жениха начиналась обыденная жизнь [\[4, л. 16\]](#). В этом примере показывалось не только изгнание злых духов со свадьбы, но и выражалось стремление отсрочить период повседневных хлопот, резко контрастировавший с прежним весельем.

Такой вариант высмеивания, как «*порицание*», был характерен для ситуаций, обнажавших безнравственное поведение людей. В средневековой европейской культуре можно найти немало ярких примеров порицания через карнавально-смеховые формы. В частности, французский обычай шаривари (в пер. с фр. «кошачий концерт») высмеивал в том числе неравных по возрасту либо уличённых в аморальных деяниях брачующихся [\[7\]](#).

В дореволюционной России порицание женщины за нравственные проступки оставалось наиболее распространённым явлением. Так, русские Саратовской губернии надевали на шею матери нецеломудренной невесты хомут, с которым её заставляли ходить по улицам села/деревни [\[22, л. 16\]](#). Аналогичным образом поступали чуваша с отцом провинившейся девицы [\[26, с. 263\]](#). Следовательно, позор невесты и её родителей выставлялся на всеобщее обозрение, вызывая смех и осуждение со стороны деревенского населения.

Немцы Поволжья, чтобы публично высмеять нецеломудренную девушку или замужнюю женщину, к воротам её дома выставляли чучело из старых тряпок и лохмотьев – Butzemann («кургузый») [\[12, с. 394-395\]](#). Хотя нередко это не соответствовало действительности и вынуждало невинную молодую особу обращаться в суд, подвергаться освидетельствованию у врача или бабки с целью реабилитации. Но для замужней женщины такая злая шутка могла закончиться трагедией в виде убийства разъярённым мужем. Поэтому порицание, обладая смеховой формой, имело всегда карающий смысл, выражающийся в открытом «бичевании» человеческих пороков.

Последним вариантом проявления карнавально-смеховых форм в обрядах жизненного цикла было «*подражание*». Оно предназначалось для символического воплощения участников обрядов в ином возрастном, социальном положении или состоянии духа, что давало надежду на укрепление своего авторитета в семье, общине и улучшение жизни в будущем. Причём вера в это перевоплощение была вполне серьёзной, невзирая на театрализованность обрядовых действий.

Подражание часто использовалось в свадебных обрядах региона. Так, русские Саратовской губернии устраивали «шутовские» торги дружки и малолетнего брата невесты о её выкупе женихом. Мальчик говорил: «Выкупите прежде мой товар, тогда берите». Дружка вынимал из кармана полбутылки вина, наливал в стакан и подносил его мальчику. Брат невесты отказывался от вина, говоря: «Моя сестра стоит золота, а не вина». Дружка клал в стакан с вином серебряные монеты, 50-60 коп., на что мальчик

кричал «Мало!». Затем брат всё-таки выпивал вино, а деньги забирал себе [\[21, л. 156\]](#). В этих шуточных переговорах обращает на себя внимание серьёзность поведения мальчика, который стремился подражать взрослому человеку и не упустить своей выгоды при «продаже» просватанной сестры. Кроме того, и сама невеста обретала большую ценность, если её брат долго не шёл на уступки свите жениха.

В различных видах инициаций вызывают интерес ритуалы посвящения в обладателей сверхъестественных умений и навыков, т.е. в знахарей и колдунов. Зачастую приобретение «тайных» знаний происходило через попытки подражания их носителям.

Этнограф Н. Е. Мазалова выделила несколько типов получения «тайного» знания: особое посвящение посредством объединения с нечистой силой; накопление в течение жизни большого количества магических практик и активное их применение в социуме; владение несколькими заговорами или магическими практиками для использования исключительно в своей семье и редко среди ближайших соседей [\[15, с. 35\]](#). В мифологическом мышлении посвящение в «тайное» знание ассоциировалось со столкновением человека с фантастическим животным или духом в таких священных местах, как баня, перекрёсток, лес [\[13, с. 11-12\]](#). Фактического подтверждения подобной инициации не удаётся найти в исторических источниках, но при обращении к фольклору становится очевидным, насколько была велика вера в сверхъестественное посвящение в колдуны или знахари.

Сказки Самарского края, собранные Д. Н. Садовниковым, свидетельствуют о любопытстве и добровольном желании людей вступать в сговор с нечистой силой посредством подражания ей, чтобы наводить страх или духовно подчинить себе население деревни. Кроме того, сказочные истории о фантастическом превращении человека в знахаря или колдуна характеризуются гротескным изображением самого этого процесса: «Одному мельнику сильно везло: он Водяному душу на срок продал и всё ему с той поры удавалось» или «Около Василя ... двое фармазонов в лодочке плавали, ... вынут со дна камень, кинут на берег, он в голого мужика оборотится; кинут другой, тот – в бабу, и давай друг с дружкой плясать. Одному и понравилось это. "Поучите!" говорит. "Изволь! Поди к нам!" Стали его учить; он понимать начал» [\[27, с. 227-228, 377\]](#).

В похоронно-поминальной обрядности подражание нередко становилось неотъемлемой частью познания потусторонней жизни, даже если этот процесс носил комический характер. В дореволюционных традициях финно-угорских народов Среднего Поволжья обращает на себя внимание приглашение на поминки «заместителя» покойника. Этот гость подражал во всём умершему, облачаясь в его вещи и копируя его жесты [\[3, с. 208\]](#). Ряженный «заместитель» получал обильное угощение за поминальным столом от вдовы и детей покойного. После трапезы начинались ритуальные танцы, во время которых гость делился впечатлениями о своём благополучном пребывании в загробном мире. По завершении поминок «заместитель» снимал с себя одеяние умершего, прощался со всеми присутствующими, намекая о необходимости возвратиться на тот свет, и тихо уходил из дома. Иногда гость вместе с иными участниками поминок отправлялся на кладбище, где на могиле оставлялась одежда покойного [\[25, л. 44\]](#).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что присутствие карнавально-смеховых форм в обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья позволяло создавать особый игровой мир для высмеивания потустороннего и потенциально опасного. Участники этих обрядов-игр изгоняли свой страх перед злыми духами и враждебным

влиянием живых людей, а также перед неизвестностью, ассоциировавшейся с ними. По меткому замечанию немецкого философа Х.-Г. Гадамера, игровые приёмы с их карнавальностью и стремлением высмеять всё страшное и пугающее предполагали «освобождение, возвращение в истинное бытие», выявление того, «что есть» [\[10, с. 159\]](#). По сути, смех над чем-то приближал человека к более полному пониманию значимости происходивших с ним событий и ценности своей жизни в целом, что являлось важным шагом для конструирования образа позитивного будущего.

Кроме того, как показывают примеры из региональной обрядности, карнавально-смеховые формы отражали духовно-нравственные ориентиры людей: стремление к счастью, здоровью, целомудрию, почитанию старших, победе жизни над смертью и добра над злом. Игровая природа обрядов выставляла эти ориентиры напоказ, подталкивая к выбору дальнейшего жизненного пути.

Таким образом, одним из предназначений традиционных обрядов жизненного цикла было «сопротивление» через карнавально-смеховые формы тем негативным явлениям, которые могли мнимо или реально угрожать человеку. В этом случае возникало не только преодоление критических ситуаций в момент их наступления, но и осуществлялась подготовка на психологическом уровне к неизвестному будущему.

Библиография

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 7-19.
2. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1980. 317 с.
3. Антонов Ю. Г. Свадебный и похоронно-поминальный обряды мордвы как истоки национальной драматургии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 11. С. 202-212.
4. Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (АИЭА РАН). Ф. ОЛЕАЭ. Д. 75.
5. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
6. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348, [2] с.
7. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 541, [2] с.
8. Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (XIX – начало XX в.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1966. 404 с.
9. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 334. Оп. 1. Д. 16.
12. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: ГОТИКА, 1997. 496 с.
13. Криничная Н. А. Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 10-23.

14. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. 204 с.
15. Мазалова Н. Е. Социальный статус «знающих» в традиционном русском обществе (по материалам Поволжья XIX – начала XX в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 33-45. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-3
16. Малиновский Б. Магия. Наука. Религия: пер. с англ. М.: «Рефл-бук», 1998. 304 с.
17. Мордовская свадьба (Этнографический очерк) // Волжский вестник. 21 марта 1879. № 13. С. 9-19.
18. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.
19. Народы Мордовии: историко-этногр. исслед. / Л. И. Никонова и др.; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 608 с. + 80 л. вкл.
20. Насыри К. Избранные произведения: пер. с тат. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. 256 с.
21. Научный архив Саратовского областного музея краеведения (НА СОМК). Оп. 1. Ед. хр. 11.
22. НА СОМК. Отчет об историко-этнографической экспедиции в Лысогорский район Саратовской области в 2004 г. / сост. О. Н. Вернова, Л. В. Маковцева. Саратов, 2004. (28 л.).
23. Полевые материалы Лепешкиной Л. Ю., Нуровой О. Г. Тема исследования «Взаимодействие русской и мордовской культур», село Новая Бинарадка Ставропольского района Самарской области, май 2017 г., записи от руки (26 л.).
24. Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1631.
25. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 146.
26. Салмин А. К. Система религии чувашей / отв. ред. А. И. Терюков. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
27. Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1884. 388 с.
28. Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX – 1980-е годы). М.: Б. и., 1997. 183 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье рассмотрены карнавально-смеховые формы в традиционных обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья в аспекте нетривиальной их функции проектирования образа позитивного будущего. Автор вполне резонно отмечает, что устоявшиеся представления о «серьезных» функциях обрядов жизненного цикла, связанных с процессами символизации критических ситуаций, обусловили доминирование в теоретическом дискурсе определенной исследовательской оптики, несколько искажающей культурную реальность обряда. В этой связи сама постановка проблемы отражает высокий уровень квалификации представленной работы, ведь

игровая концепция культуры обладает эвристическим потенциалом не в меньшей степени, нежели любая другая.

С опорой на примеры обрядов народов Среднего Поволжья, сопровождающих критические ситуации рождения, взросления, женитьбы и смерти человека, автор последовательно обосновывает позицию, что карнавально-смеховые формы, как они определены М. М. Бахтиным, присущи любому обряду, не смотря на всю его сакральную, исключительно значимую «серьезную» нагрузку. Соответственно, если следовать С. С. Аверинцеву, представления о соотношении формы и содержания символических практик, к каким относятся обряды, существенно расширяется: проявляется карнавально-игровая сущность обряда, которая реализуется за рамками ограниченного пространственно-временного континуума игры в способности её участника к рациональной бытовой деятельности, обусловленной позитивным психологическим настроением. Обряд, обеспеченный карнавально-смеховыми формами, реструктурирует систему культурных порядков, проектирующих дальнейшую жизнедеятельность индивида в обществе.

Таким образом, предмет исследования рассмотрен в достаточной степени комплексно. Выводы автора логичны и раскрывают перспективы дальнейших исследований.

Методология исследования хорошо фундирована. Опору автор делает на атрибуции историко-культурного нематериального наследия народов Среднего Поволжья (обрядов) в системе порядков диалогической концепции культуры М. М. Бахтина. Примененный метод убедительно демонстрирует справедливость расширения исследовательской оптики: не вызывает сомнений, что традиционные обряды жизненного цикла обеспечивали способность индивида и сообщества сопротивляться негативному влиянию мнимых или реальных потенциальных угроз. Вместе с тем, на взгляд рецензента, потенциал предпринятого расширения исследовательской оптики автором не исчерпан. Ограничения оправданы комплексом четко сформулированных задач исследования, которые полностью решены. Однако, остаются вопросы, требующие дальнейших исследований и дальнейшего совершенствования методики, связанные с преодолением исторических ограничений и применения результатов осмысления историко-культурных реалий для решения злободневных проблем сегодняшнего дня.

Актуальность темы автор объясняет необходимостью изучения традиционных обрядов жизненного цикла для познания этногенетических связей и механизмов сохранения духовно-нравственных ценностей, а также существенной значимостью мощного психотерапевтического эффекта, заложенного в обрядах жизненного цикла, знание закономерностей которого расширяет научные представления о психофизических и социальных связях, формирующихся в обособленном континууме обряда.

Научная новизна, выраженная в суждении, что одной из функций традиционных обрядов жизненного цикла было «сопротивление» через карнавально-смеховые формы негативному влиянию мнимых или реальных угроз человеку, позволявшей не только преодолевать критические ситуации, но и подготавливать на психологическом уровне к неизвестному будущему, хорошо обоснована и не вызывает сомнений.

Стиль повествования в статье исключительно научный. Структура отражает логику изложения результатов научного исследования в полной мере.

Библиография отражает проблемную область исследования и полностью соответствует редакционным требованиям к оформлению. Хотя, в качестве рекомендации на будущее, рецензент отмечает, что, учитывая интегрированность научных достижений М. М. Бахтина и Л. С. Выготского в различные направления зарубежной науки, сохраняется возможность расширения дискуссионной области публикации за счет обращения к зарубежным коллегам. Хотя бы краткая оценка зарубежной научной литературы значительно усиливает влияние публикации.

Апелляция к оппонентам абсолютно корректна и вполне достаточна.

Интерес читательской аудитории журнала «Философия и культура» к представленной статье гарантирован.